

УДК-322(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-2-156-171

**РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ
ПЕРЕД ЛИЦОМ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ:
ВОЛОНТЕРСТВО И ХРИСТИАНСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ГРУПП РИСКА**

Р. Н. Лункин¹

Проанализированы особенности реакции Русской православной церкви на социальные проблемы, существующие в обществе. Делается вывод, что социальное служение стало возрождаться в православии лишь в 2000-е гг. Большую роль стали играть рядовые приходы, которые в поселках и деревнях являются единственным центром духовной, культурной жизни. Существующие примеры православных проектов по реабилитации показывают, что налаживание церковной бюрократической системы социальной работы далеко не всегда означает только навязывание административных норм. Приходские проекты существуют параллельно с созданием общецерковных механизмов социального служения. При этом просветительская и образовательная деятельность Синодального отдела по социальному служению и благотворительности РПЦ помогает воспитанию специалистов в самых разных сферах, которые оказываются востребованы государством, общественными и околоцерковными фондами, которые получают государственные гранты. Волонтерские проекты привлекли в Церковь массу новых людей, поставили новые цели и задачи перед церковными активистами и перед самим духовенством, меняя как саму Церковь, так и общество вокруг.

Ключевые слова: православие; социальное служение; Русская православная церковь; волонтерство; гражданское общество.

Русская православная церковь довольно поздно стала развивать современные формы социального служения – протестантские церкви уже в 1990-е гг. заняли многие ниши в сфере помощи разным категориям нуждающихся, католические приходы в меньшем масштабе, но также успешно создавали свои проекты в рамках работы «Каритас» и личных инициатив. В РПЦ остались лишь воспоминания о том, какие благотворительные общества и кружки трезвости, богадельни были в начале XX в. В советский период православные общины отучили заниматься какой-либо общественной деятельностью, в том числе и социальным

¹ Лункин Роман Николаевич – ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН, заместитель главного редактора журнала «Современная Европа». E-mail: romanlunkin@gmail.com.

© Лункин Р. Н., 2018

служением, а в 1990-е годы церковные руководители не ставили социальную работу в качестве первой цели по сравнению с воссозданием и возвращением храмов и монастырей, а многие не считали это делом Церкви вообще.

Отсутствие любой публичной деятельности в эпоху СССР сформировало такой тип православного благочестия, при котором предполагалось, что социальная работа противоречит аскетической, молитвенной практике, мешает богослужебному процессу [1]. Соответственно, успешные инициативы в православных общинах, которые исходили от священников или от групп активистов, чаще всего пресекались или ставились под жесткий контроль местных архиереев в 1990-е гг. Вплоть до середины 2000-х гг. социального служения на общецерковном уровне по существу не было, оно не считалось приоритетным направлением развития церковной жизни [3].

Что же привело к тому, что РПЦ развернулась в сторону социальных проектов, что помогло произвести эту своего рода «социальную революцию» в церковно-общественной жизни? Распространение различных общественных инициатив в российском обществе и параллельное укрепление приходов, превращение их в христианские общины, которые заботятся об окружающих, привлекают молодежь и интеллигенцию, сделало неизбежным целенаправленное обращение РПЦ к проблеме социального служения. Развитие приходов как социальных комплексов только становится объектом рассмотрения в научной литературе [5, 120–136]. Для крепких христианских общин в российских регионах социальные проекты стали чем-то само собой разумеющимся, исходящим из принципов Евангелия и единства верующих вокруг Евхаристии. Да и сама РПЦ стала играть большую роль в обществе, не только в сфере государственной идеологии, но и в жизни граждан. Церкви пришлось начинать этот процесс создания и развития социальных проектов с нуля.

Добровольчество

Движения добровольцев, столь необходимые для любых социальных проектов и участия в разного рода благотворительных акциях, стали появляться в РПЦ только к концу 2000-х гг. Первой реакцией священноначалия, скорее, были страх и подозрения в отношении независимости нового направления околоцерковной деятельности. Большинство проектов развивались без целевой церковной помощи. Основная проблема волонтерства основана на том, что православные приходы и епархии столкнулись с ограниченностью кадровых резервов – мотивированных людей. Это связано не только с тем, что по-настоящему граждански активных прихожан и общин довольно мало, но и с низким уровнем солидарности, соучастия в российском обществе в целом. В этом смысле РПЦ пришлось преодолевать и церковные стереотипы, связанные с существованием и организацией социальной работы, подозрением к волонтерам, и косность, равнодушие окружающего общества.

Появление добровольцев тесно связано с новыми целями и задачами церковно-приходской жизни, которые стали декларироваться в качестве конкретной цели руководством РПЦ фактически только с приходом к власти патриарха Кирилла в 2009 г. И тогда призывы патриарха совпали с уже существующим в епархиях оживлением социальной и приходской работы. По мере развития патриарших инициатив в социальной, культурной, образовательной и иных областях оказалось, что для продвижения общецерковных проектов наличие активной миссионерской работы, общинной жизни, волонтерства, которое развивается вокруг прихода, обязательно. В ходе своих выступлений, в частности, во время епархиальных собраний духовенства г. Москвы и встреч с архиереями, патриарх Кирилл все чаще стал говорить об общинной жизни.

Лучше всего под определение патриархом общинной жизни подходит одно из начинаний, которые патриарх сам же и благословил – это Патриарший молодежный центр при Даниловом монастыре. Много из того, что патриарх говорил в ходе Архиерейского совещания 2 февраля 2015 г. в целом о задачах развития волонтерства и приходской работы, характеризует именно этот центр. По словам патриарха, «главным показателем, основным критерием, по которому можно определить правильность устройства общины, является атмосфера внутри прихода, его микроклимат». Патриарх Кирилл отмечает, что следует заботиться о том, чтобы волонтерские движения развивались, по возможности, в каждом приходе, «необходимо обсуждать эту тему с настоятелями храмов и с прихожанами. Убежден в том, что развитие волонтерского движения в Церкви и привлечение мирян к более активному участию в жизни приходов тесно связано с молодежной работой» [10].

Если сравнивать с 2009–2011 гг., патриарх Кирилл все больше говорит том, что надо поддерживать инициативы прихожан: «Если мы дадим возможность людям раскрыть в епархиальной и приходской деятельности свои таланты, то в дальнейшем получим не только мощную поддержку в наших же трудах, но – и это главное – изменение отношения мирян к церковной жизни. Необходимо, чтобы миряне воспринимали приходы не только как то место, куда можно придти помолиться, но как важную часть своей жизни». Добровольчество также становится одним из приоритетов Церкви: «Сравнительно недавно стало активно развиваться волонтерское движение в нашей Церкви. Вначале оно было сосредоточено только на делах благотворительности, в рамках братств и сестричеств соответствующей направленности. И это правильно, дела милосердия – наиболее перспективное направление для добровольчества». Безусловно, все эти призывы главы Русской Церкви вызвали большое воодушевление в церковной среде [4].

Между тем история патриаршего Даниловского центра отчетливо показывает, сколько много может дать Церкви простое доверие по отношению к людям, и как доверие и личные инициативы сталкиваются с бюрократизацией и

стремлением руководства РПЦ к централизации власти. Уникальность центра в том, что он начинался как миссионерский и образовательный проект монастыря в то время, когда большинство монастырей об этом не думали и занимались строительством и реставрацией.

Формально Патриарший центр духовного развития детей и молодежи был создан при московском Даниловом ставропигиальном мужском монастыре в 1999 г. Однако основой для Центра стала активная работа монастыря еще с момента его открытия в конце 1980-х гг. Монастырское руководство с самого начала приветствовало миссионерскую, катехизическую и социальную деятельность мирян, членов монастырского прихода, что в то время являлось большой редкостью. Фокусом такой работы стала молодежная среда.

В 1999 г. был создан Центр духовного развития молодежи, в 2001 г. появилась Школа молодежного служения при Центре, в 2004 г. Центр получил статус Патриаршего. В 2008 г. было основано известное в Москве добровольческое движение «Даниловцы», формально действующее как независимая светская общественная инициатива прихожан монастыря. Однако «Даниловцы» выросли в рамках Центра и располагаются в помещении Центра. В рамках Центра действует 35 различных миссионерских, просветительских и социальных проектов, около 150 профессиональных сотрудников и добровольцев, более 1 тыс. волонтеров.

Одной из популярных программ Центра с 2002 г. является программа детских лагерей «Звезда Вифлеема», которая была трансформирована в летние выезды детей на природу, квесты и ролевые игры (например, игра «Мумми-Тролль», театральные постановки по Р. Кипплингу, Р. Толкиену).

Другим примером успешного развития добровольчества является служба «Милосердие». Под руководством епископа Пантелеимона (Шатова), который, еще будучи священником, собирал вокруг себя энтузиастов в одном из московских приходов, служба стала крупнейшим церковным социально ориентированным НКО. Она объединяет более 20 социальных проектов в Москве. Помощь в службе «Милосердие» получают различные категории нуждающихся: одинокие старики, инвалиды, тяжелобольные дети и взрослые, многодетные семьи, женщины в кризисной ситуации, бездомные и др. Один из проектов службы «Милосердие» – служба добровольцев, которая объединяет более 1 500 чел.

Добровольческая служба была организована в начале 2000-х гг. Как отмечает Василий Рулинский, сотрудник Синодального отдела по социальному служению и благотворительности РПЦ, в основном, сначала туда шли люди пожилого возраста, которые услышали объявление отца Аркадия Шатова (будущего епископа) по радио «Радонеж». Сейчас основной костяк добровольцев – это люди 25–35 лет – студенты, менеджеры, часто очень успешные: заместители генеральных директоров, директора по юридическим вопросам, бухгалтеры.

Каждый человек может прийти, заполнить анкету в храме царевича Димитрия, пройти собеседование со священником и стать добровольцем. Вероисповедание или же недостаточно частое посещение храма не является препятствием для того, чтобы стать добровольцем.

Безусловно, в России пока нет своих аналогов общественных движений с широкими целями, а не просто благотворительных, таких как католические мирянские движения, которые ратуют за общинные ценности и христианскую проповедь различным слоям общества (таких как Фоколяры, Неокатехуменат, *Communione e Liberazione*, возникших в 1950–1960-е гг.). Единственным примером является «Преображенское братство» прот. Георгия Кочеткова, многообразная деятельность которого (в том числе, и социальная, культурная, образовательная) выросла как раз из стремления возродить «истинную» общинную христианскую жизнь [6, 100–122]. На рубеже 2000-х гг. большинство иерархов РПЦ, скорее, оценивали деятельность братства как «обновленчество», «сектантство» и «либерализм», с которыми надо бороться, – в этом смысле «Преображенское братство» не является типичным внутрицерковным социальным движением.

Тем не менее, к 2010-м гг. появился целый слой православной интеллигенции как среди духовенства, так и мирян, для которой христианская жизнь в рамках общины, ценности Евангелия стали смыслом бытия. Активность мирян стала ключевой в возрождении прихода, в проповеди основных христианских ценностей. Такого рода евангелически активная интеллигенция стала группироваться вокруг портала «Православие и мир» (www.pravmir.ru). В 2005 г. социолог Сергей Филатов оценивал количество такого рода общин в 200–250 на 12 тыс. зарегистрированных объединений [12]. Сейчас среди 15 тыс. зарегистрированных организаций РПЦ в России около 500 приходов и монастырей, которые с полным правом можно назвать социально активными ячейками гражданского общества, собирающими вокруг себя молодежь, интеллигенцию, организующими творческие центры, школы и фонды.

Между тем это совсем не значит, что больше никакой активности нет: социальную функцию выполняют и государственные по существу проекты или инициативы спонсоров, в которых Церковь участвует символически или полусимволически. Намного более важную роль играют сотни, а может быть и тысячи, рядовых приходов, которые в поселках и деревнях являются единственным центром духовной, культурной жизни, хотя у них и нет больших проектов, молодежи и интеллигенции.

Беженцы

Церковную деятельность среди беженцев, наплыв которых связан с российско-украинским кризисом 2014–2016 гг., стоит выделить в данной статье, поскольку она стала возможной, именно благодаря уже существующей системе

добровольчества. Алгоритм создания волонтерских команд и организации социальных проектов активно внедрялся Синодальным отделом по социальному служению и благотворительности РПЦ. Кроме того, сама по себе острота ситуации, сопереживание людей тем, кто бежал от гражданских столкновений на востоке Украины, помогли мобилизовать не только прихожан, но и более широкие круги общества.

Помощь беженцам с Украины, можно сказать, спровоцировала рост интереса к волонтерству и к социальной работе в епархиях и приходах. Первый сбор средств на нужды беженцев с Украины был объявлен патриархом Кириллом («во исполнение миротворческого мандата Церкви») в июле 2014 г., второй – в феврале 2015 г. [8, 154–158]. Всего собрано 128 млн руб. Еще в 2014 г. в епархии РПЦ были направлены рекомендации о том, как работать с беженцами, была открыта церковная горячая линия (обратилось 3 567 чел.). Только в рамках гуманитарного центра в Ростове-на-Дону распространено 950 т помощи (ежедневно приходит около 100 семей). Расфасовано около 700 тыс. порций еды (народные завтраки при помощи компании «Русь»). Всего было собрано 5 т школьных принадлежностей, а в 33 епархиях было собрано 350 т гуманитарной помощи. Наиболее активно в работе с беженцами в Москве участвует православная служба «Милосердие». Единый православный центр помощи создан в Новокосино – в него обратилась 21 тыс. чел., роздано 13 тыс. вещей, 15 тыс. продуктов и лекарств. По словам Василия Рулинского, если в первые месяцы конфликта беженцы остро нуждались в одежде, то теперь большинство запросов от людей касаются лекарств (зимой в день приходило в центр помощи до 200 чел., сейчас – 50, куплено более 800 билетов в другие регионы, где принимают беженцев). Тем более, что получение медицинской помощи затруднено в связи с отсутствием у многих статуса беженца. На 2014 г. было размещено 1 800 чел. в 22 епархиях РПЦ, то есть жителям Украины было предоставлено временное жилье (в Воронежской и Смоленской епархиях, в Москве около 200 чел. прошли через hostels).

С декабря 2014 г., как отметил В. Рулинский, постепенно акцент сместился с помощи беженцам в России на предоставление помощи жителям Юго-Востока Украины. По церковной линии было перевезено с 2014 г. 170 т гуманитарной помощи на 12 млн руб. Режим провоза помощи жителям Донбасса в настоящее время ужесточен. Помощь позволяют передавать один раз в неделю, сначала помощь проходит пограничный контроль, затем ее передают в руки представителям местной епархии УПЦ МП. Таким образом, помощь распространяется только через епархии, а не через непризнанные государственные образования (к гуманитарным конвоям РФ РПЦ также не имеет отношения). На Донбассе практически при каждом храме созданы бесплатные столовые – до 100 чел. в день приходят просто, чтобы поесть. Надо иметь в виду, что статистика Отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ по оказа-

нию гуманитарной помощи не охватывает храмы и монастыри РПЦ, которые самостоятельно помогают беженцам. Однако социальная работа церкви, добровольческое движение привлекло как прихожан, так и тех, кто не является активными членами Церкви.

Довольно неожиданно добровольческий потенциал РПЦ проявился в рамках межконфессионального российско-американского проекта. Кроме того, на примере уникального проекта, который РПЦ осуществляет вместе с американскими протестантскими миссиями, хорошо видна специфика работы православных епархий с украинскими беженцами.

Проект «Гуманитарная благотворительная помощь пострадавшим в ходе вооруженного конфликта на востоке Украины на территории Российской Федерации» вместе воплотили в жизнь Отдел внешних церковных связей РПЦ и Ассоциация Билли Грэма в рамках программы «Samaritan's Purse» («Сума самарянина»). По существу, это первая совместная масштабная социальная инициатива РПЦ с протестантами из США за последние 15–20 лет. В 1990-е гг. благотворительная помощь поступала в Россию из США, в том числе и через РПЦ. Детали проекта были раскрыты 4 сентября 2015 г. в ходе пресс-конференции в Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата (ОВЦС), где принимал участие автор статьи. Американскую сторону представляли специалист по мониторингу гуманитарных проектов Samaritan's Purse Дэвид Хольцхауэр и представитель Samaritan's Purse по программе «Рождественское дитя» Ренди Кокс. РПЦ – заместитель председателя ОВЦС архимандрит Филарета (Булеков), а также духовенство Белгородской и Донской митрополий.

Помощь беженцам оказывалась на территории Ростовской и Белгородской областей с апреля по август 2015 г. Операторами по распределению помощи были Донская и Белгородская митрополии. Основная нагрузка по раздаче наборов для нуждающихся легла на социальные отделы епархий и конкретные приходы. Помощь раздавалась по спискам и только после предъявления каких-либо документов, и, хотя акция проводилась через православные храмы, никто не скрывал, что в проекте участвует евангелистская миссия (соответствующая символика была везде – на пакетах и плакатах), и помощь в результате получили представители разных конфессий и неверующие (никто благословения или свидетельство о крещении не спрашивал). В общей сложности было роздано 63 тыс. наборов, в которые входили как постельное белье и гигиенические наборы, так и непортящиеся продукты и школьные принадлежности для детей (вся продукция была заказана у российских производителей). Организаторы проекта не называли точную сумму, которая была потрачена на акцию, но речь может идти о более чем двух десятках миллионов рублей (около 500 тыс. долл.). РПЦ по призыву патриарха Кирилла самостоятельно собрала за последний год-полтора – 130 млн руб.

Акция помощи беженцам стала первым этапом совместной работы РПЦ с гуманитарной миссией «Сума самаритянина». По словам заместителя председателя ОВЦС архимандрита Филарета (Булекова), очень важно, что рядом с православными работают американские собратья, которые сочувствуют горю людей в ходе гражданского противостояния. С Билли Грэмом Московский патриархат поддерживает отношения еще с 1959 г., когда Грэм приехал в Россию и проповедовал в Елоховском соборе. В 2014 г. глава ОВЦС митрополит Илларион посетил доктора Б. Грэма в США и поздравил его с 96-летием.

Проект, как принципиально подчеркивают в ОВЦС, касается только беженцев с Украины на территории России. На украинской территории нуждающимся помогают Донецкая и Горловская епархии УПЦ МП, а РПЦ какую-либо помощь официально может оказывать только через УПЦ МП. Между тем Отдел по социальному служению РПЦ отправляет гуманитарную помощь на территории ДНР и ЛНР, но представители Отдела также отмечают, что в отличие от государственных гуманитарных конвоев, церковная помощь оказывается конкретным епархиям и приходам УПЦ МП, но не представителям ЛНР и ДНР. По словам архимандрита Филарета, если РПЦ будет оказывать помощь нуждающимся в Украине непосредственно с территории России, то это может вызвать опасения и политические спекуляции, и Церковь этого стремится избежать. Вся помощь официально от РПЦ оказывается только после консультаций с центральным руководством УПЦ МП. А это значит, что митрополии РПЦ официально не могут осуществлять свое служение на территориях ЛНР и ДНР.

Приходы стали центрами распространения помощи в рамках акции. В рамках церковной миссии помощи беженцам с Украины в целом удалось значительно увеличить потенциал добровольческого движения РПЦ. Проект ОВЦС и Ассоциации Билли Грэма также помог развитию волонтерства и приходского социального служения. Как подчеркнул председатель отдела по благотворительности и социальному служению Шахтинской епархии иерей Владислав Касьянов, большое количество беженцев принял север Ростовской области, где нет рабочих мест и благотворительных организаций. В сельской местности приходы стали единственными пунктами оказания помощи, общая беда, чувство солидарности сплотило прихожан. Об этом же говорил и руководитель отдела по церковной благотворительности и социальному служению Ростовской епархии иерей Евгений Осяк.

Социальная работа РПЦ в приграничных с Украиной регионах показывает, насколько сложно вести эту работу и при этом соблюдать политический баланс, не сделать тех шагов, которые были бы враждебно восприняты в Киеве и могли бы поссорить с УПЦ МП. Хотя очевидно, что помимо официальной помощи, есть еще неофициальная помощь российских приходов украинским на территориях ЛНР и ДНР.

Группы социального риска

Существуют совершенно особые примеры того, насколько сложно продвигается социальная работа РПЦ, и какие формы она приобретает в тех областях, где у Церкви нет определенных и больших достижений. Такого рода областью является реабилитация нарко- и алкозависимых, помощь как зависимым, так и созависимым (то есть их родственникам и друзьям). Успехи православных центров реабилитации не так заметны, как, к примеру, деятельность ребцентров, которые созданы протестантскими церквями. Наркозависимыми в РПЦ занимался вплоть до недавнего времени (2015–2016 гг.) еще более узкий круг энтузиастов, чем любыми другими проектами для нуждающихся. И эти энтузиасты до недавнего времени никак не были объединены. Более того, казалось, что Церкви нечего предложить в сфере реабилитации, кроме комплектации наркодиспансеров кадрами священников и идеологической реабилитации, которая по большей части заключалась в критике «сектантских» ребцентров (имеются в виду центры пятидесятников и харизматов), которые, по мнению православных активистов-сектоведов, наркозависимость меняют на свою «духовную зависимость».

В сфере реабилитации наркозависимых у РПЦ был и отрицательный опыт работы с движениями, которые занимались различными видами зависимости. Один из примеров – это деятельность организации «Преображение России» (ПР) в Сибири, которая сотрудничала с РПЦ, но затем представители Церкви вынуждены были отмежеваться от нее, так как лидеры этой организации построили реабилитацию, прежде всего, на бесплатном труде бывших наркозависимых, а православная составляющая в воспитании реабилитантов «Преображения России» отсутствовала (8 июня 2011 г. Верховный суд РФ принял решение о ликвидации «Преображения России»). В некоторых случаях сами представители власти побуждали священнослужителей заняться реабилитацией, как, например, в Новосибирске. При поддержке государства был также организован православный ребцентр при соборе Александра Невского, где также располагается антисектантский центр отца Александра Новопашина (бездомными и ребцентром занимается священник Константин Работа). Как отмечают чиновники, православные долгое время критиковали инициативы протестантов, но сами не занимались такой социальной работой (по словам местных чиновников, «родителям наркомана все равно, в какой он церкви, главное, чтобы он жив остался»). В 2010-е гг. Новосибирская епархия РПЦ стала создавать ребцентры в районах. В других случаях удавалось переманивать активистов протестантских ребцентров, которые затем начинали создавать примерно такую же систему, но уже на православной почве, как, например, произошло в Ставрополе¹.

¹ Интервью у чиновников и религиозных деятелей взяты автором в ходе полевых исследований в рамках проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России», который осуществляется с 1998 г. См.: <http://www.keston.org.uk/encyclopaedia.php>.

Как отмечает отвечающий за эту сферу деятельности в РПЦ епископ Каменский и Алапаевский Мефодий, «первые опыты общения с наркозависимыми у духовников в основном были не особо удачными. Известны случаи положительного исхода встречи, но в массе непонимание и отторжение были обоюдными. Поначалу нелегко было догадаться, что встречу священника и наркомана продуктивнее рассматривать не как встречу двух говорящих на родственном языке иностранцев, а как встречу двух инопланетян» [9, 101].

Необходимость узких специалистов в сфере психологии и реабилитации (или наличие обращенных людей, которые сами прошли зависимость, каких много в протестантских общинах) является одним из обязательных условий успешности этого вида служения. Отсутствие и тех, и других заставило представителей Церкви создавать систему реабилитации административным путем, сверху, а не снизу. Каких же результатов удалось достичь?

Согласно официальной статистике¹, в России действует около 200 церковных центров помощи наркозависимым. Среди них – 70 ребцентров для наркозависимых, 12 центров ресоциализации, 9 амбулаторных центров, 40 консультационных пунктов, 7 мотивационных центров и 62 группы взаимопомощи (для сравнения при различных протестантских церквях – баптистов, пятидесятников – действует около 600 ребцентров для наркозависимых). Созданием базы данных православных пунктов помощи наркозависимым занимается с 2010 г. Координационный центр по противодействию наркомании Синодального отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ во главе с епископом Каменским и Алапаевским Мефодием (владыка Мефодий был основателем центра для наркозависимых в Кинешемской епархии). Центр действует на базе Фонда св. прав. Иоанна Кронштадтского, учрежденного в 2011 г. (центр успешно получает гранты Минэкономразвития и правительства Москвы). Еще в 2012 г. была разработана и принята Синодом 26 декабря 2012 г. концепция «О деятельности РПЦ по реабилитации наркозависимых», готовится также «дорожная карта» помощи созависимым с адресами, куда можно обратиться за помощью [9].

Система реабилитации с самого начала была поделена на разные сегменты в силу невозможности привести все к единообразию. Понимание этого также стало залогом успеха постепенного развития этой системы. Все организации были поделены на три категории: церковные организации, входящие в единую сеть помощи наркозависимым; канонические и учрежденные каноническими подразделениями Церкви организации, не являющиеся членами сети; находящиеся под эгидой Церкви независимые НКО, реабилитационный процесс в ко-

¹ Информация пресс-службы Синодального отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ.

торых определяется и контролируется Церковью. Церковных центров, входящих в число членов сети – на 2017 г. – десять.

Что касается методики, то православные ребцентры строятся, в основном, на принципах «терапевтического сообщества», когда профессиональные психологи, психиатры, социальные работники, священники участвуют в «духовной терапии» и большая роль отводится волонтерам. Миннесотская модель – это совмещение принципов терапевтического сообщества с «Программой 12 шагов». Польская программа «Фамилия» (аналог – «Монар») – это совмещение принципов терапевтического сообщества с более строгой системой правил и внутренних законов в центре-общине, чем в «программе 12 шагов». Епископ Мефодий фактически отверг программы Анонимных алкоголиков и Анонимных наркоманов, призвав батюшек на приходах не отчитываться о проведенной работе наличием такого рода групп. По мнению владыки Мефодия, программы АН и АА никогда не смогут стать церковными и православными, так как они рождены в протестантской среде, затем стали нерелигиозными, однако основные черты протестантизма остались: группы АН и АА создают культ трезвости, каждая группа автономна, то есть отделена от прихода и приходской жизни, методика позволяет по-разному трактовать «понимание Бога», отрицая Священное Предание, исключается духовное наставничество со стороны священника.

Взамен епископ Мефодий предложил православную методологию социальной реабилитации наркозависимых в церковной общине. Фактически новая методика – это переработанный опыт реабилитации, который проходили зависимые в монашеской общине при Свято-Георгиевском храме с. Георгиевского Кинешемской епархии. Именно в этой общине начинал заниматься реабилитацией сам епископ Мефодий. Опыт этой общины говорит о том, что возможно органичное вхождение реабилитационного процесса в жизнь общины, что реабилитация совмещается с традиционным укладом духовной жизни приходов и монастырей, не разрушая его. Было сформулировано три принципа такого рода церковной реабилитации: 1. Реабилитация в Церкви есть, в первую очередь, «результат действия Божественной благодати, являемой во всей полноте церковной жизни». 2. Включение реабилитационного процесса в жизнь церковной общины (в этом миссионерском евангелизаторском характере реабилитации методика епископа Мефодия похожа на методику протестантских центров). 3. Компетентность (профессионализм) членов церковной общины, участвующих в реабилитации [7, 11]. На деле включенная в приходскую жизнь реабилитация является чрезвычайно сложной задачей для священников, которым в таком случае придется окормлять довольно разную по своему составу паству или учить прихожан общаться и как-то взаимодействовать с бывшими зависимыми. Пример общины при Свято-Георгиевском храме с. Георгиевского Кинешемской епархии характерен и по-своему уникален. Реабилитацией будущий епископ – игумен Мефодий (Кондратьев) – стал заниматься еще в 1998 г., когда из села стали уезжать люди, и бывшие наркозависимые стали помогать храму, одно-

временно с реабилитацией. В настоящее время в с. Георгиевское около 10 реабилитантов, 4 священноинока и несколько послушников, но в селе уже никто не живет [9, 16]. Таким образом, для воспитанников уже создается уникальная духовная атмосфера, которой нет ни в городском приходе, ни в монастыре, привлекающем массу паломников.

Одними из самых образцовых центров для наркозависимых в Центральном регионе России являются Центр помощи наркозависимым «Радуга» в Кимрах Тверской области при храме Вознесения Господня (с 2013 г., по польской программе «Фамилия», аналог программы «Монар»), Христианский благотворительный фонд и центр «Старый Свет» при храме Покрова Пресвятой Богородицы в пос. Ерино Новомосковского округа г. Москвы (с 2003 г., на основе программы «12 шагов» и миннесотской модели) и группа поддержки родственников зависимых, то есть созависимых 15–20 чел.), при храме преп. Сергия Радонежского в Солнцево, один из лидеров – психолог Ольга Балабанова, настоятель храма – прот. Александр Волков (с 2016 г.)¹. В Петербурге сеть центров «Обитель исцеления» организовал прот. Сергей Бельков, действует также центр «Диакония» и стационар при Александро-Невской лавре, есть центр Александра Невского прот. Александра Новопашина в Новосибирске.

У каждого православного центра был свой путь развития. Как правило, все держится на энтузиазме отдельных верующих активистов – до момента целенаправленной поддержки центра со стороны Церкви, получения грантов и появления спонсоров на реабилитацию (что является большой редкостью – проще привлечь средства на строительство храма, чем на социальный проект). Руководитель Центра «Радуга» в Кимрах прот. Андрей Лазарев отмечает, что Кимры в конце 1990-х гг. были одним из центров наркобизнеса, и в 2000 г. на приходе стала вестись работа с наркозависимыми, появилась мечта открыть свой центр. В 2004 г. отец Андрей прошел обучение в Польше в Гливице по программе «Фамилия» у Маевского, которая предполагала работу с пациентами с двойным диагнозом – зависимостью и психическими заболеваниями. Однако для православного центра, который существует при храме, оказалось слишком тяжело работать с такими пациентами, поэтому в центр принимают просто зависимых. Центр был создан в 2012–2013 гг. после разговора прот. Андрея Лазарева с епископом Мефодием (тогда отец Андрей был третьим священником в соборе, у которого нет «ни средств, ни власти»).

Суть программы «Фамилия» – в создании микрокосмоса, маленького государства, где есть юстиция, должности, карьерный рост. Таким образом, приобретенные опыт и знания переносятся на социум, и реабилитант встраивается в нормальную жизнь вне центра. Корректируется психика, меняются ценности.

¹ Данные интервью с представителями этих центров, взятые в ходе пресс-тура 19 июня 2017 г. Синодального отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ.

Провозглашается принцип равенства независимо от возраста и консенсуса в принятии решений. Лечение – групповое, терапевтическое. О своем отношении к центрам других христианских конфессий отец Андрей Лазарев говорит так: «Дело не в конфессии, а в профессионализме (в центре работает два психолога). Надо лечить людей, это же смертельное заболевание. Лучше душу спасти. Даже если человек у сектантов находится, то грехов он меньше совершает». Православный подход также заключается в том, что бывшие зависимые не должны быть руководителями или сотрудниками центров, как это бывает у протестантов (только после, как минимум, 7 лет «чистой» жизни)¹.

По другим правилам живет центр «Старый Свет», его основателем является первопроходец системы реабилитации в России, психолог Евгений Проценко – его называют перфекционистом в этой сфере. Он основал свой фонд еще в 1990 г., с 1992 г. стала реализовываться амбулаторная программа. «Старый свет» в разное время сотрудничал с самыми разными конфессиями – одно время фонд располагался в Англиканской церкви в Москве, потом в католическом храме Непорочного Зачатия, и лишь с 2010 г. его базой в Москве стал Храм Всех Скорбящих Радости на Большой Ордынке (там проводятся амбулаторные занятия). Основные хозяйственные постройки и строительство дома для реабилитантов и «дома на полпути» – общежития для адаптации бывших зависимых к обычной жизни – ведется в пос. Ерино в Новой Москве. В «Старом Свете» реабилитация основывается на методике терапевтического сообщества, которая основывается, прежде всего, на взаимодействии и взаимной помощи².

Существующие примеры православных проектов по реабилитации показывают, что налаживание церковной бюрократической системы социальной работы далеко не всегда означает только навязывание административных норм. Приходские проекты существуют параллельно с созданием общецерковных механизмов социального служения [1].

* * *

Поскольку многие особенно сложные формы социальной работы в РПЦ начинались с чистого листа, то рецепция зарубежного и иноконфессионального опыта была неизбежна. Особенно ярко это проявилось в сфере реабилитации нарко и алкозависимых, в создании кризисных семейных центров, приютов и т.д. Протестантские и католические методики с различной степенью успеха были адаптированы к православной среде и богословским особенностям. На основе этих методик было создано и создается многообразие форм социальной работы в РПЦ.

¹ Из интервью, взятом в ходе пресс-тура 19 июня 2017 г. Синодального отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ.

² Там же. 19 июня 2017 г.

Можно без преувеличения сказать, что социальное служение на уровне приходов, монастырей, епархий изменило жизнь Церкви. Волонтерские проекты привлекли в Церковь массу новых людей, возможно, не совсем или даже совсем не воцерковленных, но готовых помогать в рамках церковных проектов, и, как правило, постепенно становящихся прихожанами. Социальные проекты поставили новые цели и задачи перед церковными активистами и перед самим духовенством: более строгой организации приходской жизни, ориентации на сотрудничество с другими общественными организациями и конфессиями, создания возможностей для вовлечения активных верующих, в первую очередь, молодых людей, в жизнь общины и социальные проекты [11]. Прежде всего, поддержка личных инициатив на местах перестала быть такой уж редкостью или же показателем из ряда вон выдающегося «либерализма» региональных архиереев или настоятелей больших приходов. Наконец, социальная работа представителей Церкви не только сама формирует среду вокруг и внутри прихода, но и постепенно меняет отношение окружающего общества к Церкви, лишает почвы противопоставление РПЦ как института и Церкви как исполнительницы заповедей Христа. Это позволяет людям, скептически настроенным по отношению к православию и к РПЦ, увидеть тот «образ христиан и христианской общины», открытой и милосердной, о которой люди читали в Евангелии или, по крайней мере, читали в литературе и видели в кино.

Библиографический список

1. Белановский Ю. Может ли Церковь служить обществу? // Аргументы и факты. 2010. 29 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/society/22090> [Belanovskij Ju. Can the Church serve the society? *Argumenty i Fakty*. 29.11.2010. Available at: <http://www.aif.ru/society/22090> (accessed 05.02.2018)].
2. Белановский Ю. Кто такие священники и почему появились «предатели в рясах»? // Аргументы и факты. 2012. 10 сент. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/society/35981> [Belanovskij Ju. Who are the priests and why did the “traitors in cassocks” appear? *Argumenty i Fakty*. 10.09.2012. Available at: <http://www.aif.ru/society/35981> (accessed 05.02.2018)].
3. Белановский Ю. Почему священников запрещают и почему они сами уходят? // Аргументы и факты. 2013. 21 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/society/39761> [Belanovskij Ju. Why are the priests banned and leaving the service? *Argumenty i Fakty*. 21.01.2013. Available at: <http://www.aif.ru/society/39761> (accessed 05.02.2018)].
4. «Во славу Божию»: волонтеры – не бесплатная рабочая сила. 02.02.2015. *Приход.Ru*. [Электронный ресурс]. URL: <http://prichod.ru/aktualniye-voprosy/20769/> [“For the glory of God”: the volunteers are not unpaid labor force.

- 02.02.2015. *Prichod.ru*. Available at: <http://prichod.ru/aktualniye-voprosy/20769/> (accessed 05.02.2018)].
5. *Забаяев И., Пруцкова Е.* Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета (ПСТГУ). Сер. I. Богословие. Философия. 2013. 4 (48). С. 120–136. [Zabaev I., Pruckova E. The social network of the Orthodox parish community: possibilities for applying the analysis of social networks to the sociology of religion. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. 2013. No. 4 (48). P. 120–136].
 6. *Громыко Ал. А., Журкин В. В., Фёдоров В. П. и др.* Европа XXI века. Новые вызовы и риски / под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. М., СПб., 2017. 584 с. (Сер. Старый Свет – новые времена / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук). С. 100–122. [Europe in the 21st century. New challenges and risks: monograph / Al. A. Gromyko, V. V. Zhurkin, V. P. Fedorov et al.; ed. by Al. A. Gromyko, V. P. Fedorov. Collective monograph series: The Old World – the New Times. FANO “The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences”. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2017. 584 p. P. 100–122].
 7. Координация деятельности церковных организаций в реабилитации наркозависимых. Синодальный отдел по благотворительности и социальному служению РПЦ. Благотворительный Фонд св. прав. Иоанна Кронштадтского. М., 2016. [The coordination of the activity of Church organizations in the rehabilitation of drug addicts. The Synodal Department for Church Charity and Social Ministry of Russian Orthodox Church. The Charity Foundation of the St. John of Kronstadt. Moscow, 2016].
 8. *Лункин Р.Н.* Миссия милосердия: социальное служение церквей // Современная Европа. 2016. №4 (70). С. 154–158. [Lunkin R.N. The charity mission: social service of churches. *Contemporary Europe*. 2016. No. 4 (70). P. 154–158].
 9. Общецерковная система реабилитации наркозависимых. Синодальный отдел по благотворительности и социальному служению РПЦ. Благотворительный Фонд св. прав. Иоанна Кронштадтского. М., 2016. [All-church system of the rehabilitation of drug addicts. The Synodal Department for Church Charity and Social Ministry of Russian Orthodox Church. The Charity Foundation of the St. John of Kronstadt. Moscow, 2016].
 10. Патриарх Кирилл: Каким должен быть приход XXI в. и существуют ли в Церкви активное и пассивное “сословия”? 2 февраля 2015 г. Портал «Православие и мир». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/patriarh-kirill-kakim-dolzhen-byit-prihod-xxi-veka-i-sushhestvuyut-li-v-tserkvi-aktivnoe-i-passivnoe-sosloviya/> [Patriarch Kirill: What should the parish in the 21st century be like and are there active and passive “classes” in the Church? February 2, 2015.

Web portal "Orthodoxy and World". Available at: <http://www.pravmir.ru/patriarkirill-kakim-dolzhen-byit-prihod-xxi-veka-i-sushhestvuyut-li-v-tserkvi-aktivnoe-i-passivnoe-sosloviya/> (accessed 05.02.2018)].

11. Религиозно-общественная жизнь в российских регионах / под ред. С.Б. Филатова. Т. I. М.: Летний сад, 2014. [Religious and social life in Russian regions. Ed. by S.B. Filatov. Vol. I. Moscow: Letnij sad Publ., 2014].
12. *Филатов С.Б.* Христианские религиозные сообщества России как субъект гражданского общества // Отечественные записки. 2005. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/hristianskie-religioznye-soobshchestva-rossii-kak-subekt-grazhdanskogo-obshchestva> [Filatov S. B. Russian Christian communities as element of civil society. *Homeland notes*. 2005. No. 6. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/hristianskie-religioznye-soobshchestva-rossii-kak-subekt-grazhdanskogo-obshchestva> (accessed 05.02.2018)].

RUSSIAN ORTHODOXY FACING SOCIAL CHALLENGES: VOLUNTEERING AND CHRISTIAN REHABILITATION OF RISK GROUPS

R. N. Lunkin

Senior Fellow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
Head of the Center for Religious Studies in the Institute of Europe,
Deputy Chief Editor of the Journal "Contemporary Europe"

The author analyzes the reaction of the Russian Orthodox Church to the social problems existing in Russian society. The system of social service began to revive within the Orthodox Church only in the 2000s. Ordinary parishes started to play a big role as centers of cultural and spiritual life. The examples of Orthodox rehabilitation projects demonstrate that the formation of the church bureaucratic system of social work is combined with the creation of the all-Church mechanisms of social service and is based not only on the administrative norms. The educational activity of the Synodal department for social service helps to train specialists in different spheres that are required by the state and non-government funds. Volunteer projects attracted a lot of new people to the Church, set new aims and goals before Church activists and clergy, thus changing the Church itself, as well as the society around.

Keywords: social activities; Orthodoxy; Russian Orthodox Church; volunteer work; civil society.